

**А. Ф. ЛОСЕВ О НЕОПЛАТОНИЧЕСКОЙ СУЩНОСТИ МУЗЫКИ В КОНТЕКСТЕ
ФИЛОСОФИИ СУБСТАНЦИАЛЬНОГО МУЗЫКАЛЬНОГО БЫТИЯ
(К 130-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ АЛЕКСЕЯ ФЁДОРОВИЧА ЛОСЕВА)**

Г. Г. Коломиец

Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Аннотация. Статья написана в связи с юбилейными датами жизни великого русского мыслителя Алексея Фёдоровича Лосева и посвящена одному из аспектов его эстетических исследований, связанных с трактовкой музыки в неоплатонизме. Данная статья имеет смысл подчеркнуть субстанциальную онтологическую сущность музыки, опираясь на феноменолого-диалектический метод Лосева, на его приверженность к неоплатонизму как последнему значимому античному философскому движению. А. Ф. Лосев рассматривал философские основания музыки в космологических трактатах таких философов, как Квинтилиан, Прокл, Саллюстий. Касаясь античных истоков философии музыки как области эстетического, автор ссылается на пифагорейское учение божественного числа и музыкальной гармонии сфер. Вместе с тем, неоплатоническая античная философия демонстрирует разные типы существования музыки, или древнегреческого *moysicé*. Сочетание логического и алогического в философском мышлении А. Ф. Лосева позволяет автору представить сквозь призму философии субстанциального музыкального бытия близость идеи о бытии музыки неоплатоников, исходящих из представлений о Едином, и А. Ф. Лосева, божественного всеединства, где мысль о музыке выходит далеко за пределы собственно музыкального искусства. Музыка в философском знании есть вне искусства как мировая гармония, субстанция, становление во времени, божественное число, или жизнь чисел, выражение числового перво-принципа. В источниках автор использовал труды А. Ф. Лосева: «История античной эстетики», «Диалектика мифа», «Диалектические основы математики», где представлена глубокая связь математики и музыки. При этом автор опирался на своё эстетическое исследование «Логос музыки в феноменолого-диалектическом методе А.Ф. Лосева», и другие главы своей книги «Ценность музыки: философский аспект» и диссертации «Концепция ценности музыки как субстанции и способа ценностного взаимодействия человека с миром». Резюмируя, автор переходит от диалектики музыкально-субстанциального бытия к философскому понятию «музыкальное» как эстетической категории, требующей дальнейшего исследования.

Ключевые слова: А.Ф. Лосев, эстетика, неоплатонизм, философия музыки, субстанция, музыкальное, диалектика, миф, связь музыки и математики.

Для цитирования: Коломиец Г. Г. А. Ф. Лосев о неоплатонической сущности музыки в контексте философии субстанциального музыкального бытия (к 130 –летию со дня рождения Алексея Фёдоровича Лосева) // Интеллект. Инновации. Инвестиции. – 2023. – № 5. – С. 121–129, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-5-121>.

Original article

**A. F. LOSEV ON THE NEOPLATONIC ESSENCE
OF MUSIC IN THE CONTEXT OF THE PHILOSOPHY
OF SUBSTANTIAL MUSICAL EXISTENCE (TO THE 130TH ANNIVERSARY
OF THE BIRTH OF ALEKSEY FEDOROVICH LOSEV)**

G. G. Kolomiets

Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Abstract. The article is written in connection with the anniversaries of the life of the great Russian thinker Alexey

Fedorovich Losev and is devoted to one of the aspects of his aesthetic research related to the interpretation of music in Neoplatonism. This article makes sense to emphasize the substantial ontological essence of music, relying on Losev's phenomenological-dialectical method, on his commitment to Neoplatonism as the last significant ancient philosophical movement. Losev considered the philosophical foundations of music in the cosmological treatises of such philosophers as Quintilian, Proclus, Sallust. Touching upon the ancient origins of the philosophy of music as an aesthetic field, the author refers to the Pythagorean teaching of the divine number and the musical harmony of the spheres. At the same time, Neoplatonic ancient philosophy demonstrates different types of existence of music, or ancient Greek music. The combination of the logical and the illogical in Losev's philosophical thinking allows the author to present through the prism of the philosophy of substantial musical existence the closeness of the idea of the existence of the music of the Neoplatonists, proceeding from the ideas of the One, and Losev, the divine unity, where the thought of music goes far beyond the limits of the actual musical art. Music in philosophical knowledge is outside of art as world harmony, substance, becoming in time, divine number, or the life of numbers, the expression of the numerical first principle. In the sources, the author used the works of A. F. Losev: "The History of ancient Aesthetics", "Dialectics of myth", "Dialectical foundations of mathematics", which presents a deep connection between mathematics and music. At the same time, the author relied on his aesthetic research "The Logos of music in the phenomenological-dialectical method of A. F. Losev", and other chapters of his book "The Value of Music: a philosophical aspect" and his dissertation "The concept of the value of music as a substance and a way of value interaction of a person with the world". Summarizing, the author moves from the dialectic of musical-substantial being to the philosophical concept of "musical" as an aesthetic category that requires further research.

Key words: A. F. Losev, aesthetics, Neoplatonism, philosophy of music, substance, musical, dialectic, myth, connection of music and mathematics.

Cite as: Kolomiets, G. G. (2023) [A. F. Losev on the Neoplatonic Essence of Music in the Context of the Philosophy of Substantial Musical Existence (to the 130th Anniversary of the Birth of Aleksey Fedorovich Losev)]. *Intellect. Innovacii*. Vol. 5, pp. 121–129, <https://doi.org/10.25198/2077-7175-2023-5-121>.

Введение

Алексей Фёдорович Лосев (23.09.1893 – 24.05.1988) всегда восхищал своей уникальной одарённостью, божественным даром гениальности, колоссальной творческой энергией, умело соединяя разные области знания. По словам близкого А. Ф. Лосеву учёного, филолога, друга и впоследствии жены А. А. Тахо-Годи, он с детских лет воспитывался матерью в православно-нравственном духе, и она всё сделала для того, чтобы сын получил блестящее образование. В 1925 году А. Ф. Лосев закончил в Москве университет по двум специальностям: философии и классической филологии. В то же время он занимался психологией с профессором Г. И. Челпановым, благодаря которому, будучи студентом, стал членом религиозно-философского общества, где лично общался с С. Н. Булгаковым, И. А. Ильиным, С. Л. Франком, П. Флоренским, Е. Н. Трубецким [15, с. 5]. С 20-х годов А. Ф. Лосев получил ученое звание профессора. Для нашего музыкально-эстетического исследования важно подчеркнуть, что в эти годы он получил профессиональное музыкальное образование у итальянского скрипача Ф. Стаджи и являлся членом Академии художественных наук, членом Государственного Института музыкальной науки, был профессором Московской консерватории по эстетике.

В 1929 году А. Ф. Лосев с женой В. М. Лосевой тайно приняли монашеский постриг, за что с 1930 по

1933 годы им пришлось испытать тяготы лагерной жизни, а после освобождения он занимался античной литературой, философией, эстетикой, культурой разных эпох. А. Ф. Лосев придавал большое значение платону-аристотелевскому синтезу в неоплатонизме III–V в., последней античной философской школе [15, с. 16]. Философия А. Ф. Лосева, как писала в 1936 году Валентина Михайловна Лосева, с молодости характеризуется двумя такими тенденциями, как иррационализм и диалектика, она движется между такими пределами, как иррациональное, интуиция, внутреннее, символ, миф – с одной стороны, и рационализм, систематика, диалектика – с другой. У него было ощущение всего, всегда бесформенного в жизни, невыявленного и затаённого. Поэтому именно так следует понимать его любимую категорию «становление» [14, с. 8]. Эта категория более всего в области искусства отвечает музыке.

Музыка как предмет философии присутствует во многих его работах. В данной статье мы остановимся на некоторых фундаментальных положениях на основании анализа А. Ф. Лосевым музыки в неоплатонизме, которые затем были развиты им, используя феноменолого-диалектический метод, в утверждения и субстанциальной сущности музыкального бытия, выходящего за пределы собственно музыкального искусства. По высказываниям А. Ф. Лосева, очевидно, что религия, музыка, математика составляют осново-

полагающие начала становления всей жизни. Будучи религиозным человеком, он относился к музыке как к сфере наиболее близкой божественному первоначалу, чем все науки и искусства.

Актуальность обращения к сущности музыки в субстанциальном смысле, согласно античной философии и А. Ф. Лосеву, обусловлена тем, что современная научная и философская мысль о музыке обогащается благодаря расширенному представлению о космо-звуковом пространстве, нашедшем выражение в музыкальном искусстве, синтезирующем физические и математические идеи, тенденцией создания интегральной мировой музыки в современной музыкальной практике, представлением философско-антропологической и аксиологической мысли о музыке и значением музыкально-эмоциональных переживаний, ведь музыка как искусство жизненного становления, движения, времени и пространства интуитивно выражает тайны Гармонии вселенского бытия и возможности спасения в душевном равновесии, когда мир всё больше и больше указывает человеку на бездну до конца непознаваемого мироздания и неустойчивого места человека в современном мире [5, с. 139].

Основная часть

Так сложилось с древности, что музыка в человеческом сознании была больше, чем вид искусства. И не только это музыка природы, плескания морских волн, пения птиц, шума леса, ветра и т.д., она была запредельно трансцендентальной в умах философов. Например, в древнем Китае исток музыки философы видели в «великом дао» [3], где соединяются нравственная составляющая «дэ», энергия «ци», пронизывающие всякую жизнь, а в социальном назначении отмечали строгую регуляцию музыкального исполнительства. К примеру, говорили, что данное государство развалилось, потому что там звучала фальшиво флейта, а тогда народ воспитывался неправильно.

В античной философии, которую Лосев тщательно исследовал, музыка связывалась с вселенским ритмом, гармонией космоса, мыслилась как божественное Число, была эквивалентом философии, математики, астрономии, достойной наукой. Что касается собственно музыкального искусства, то и Пифагор, и Платон, и Аристотель утверждали силу эмоционального и умственного воздействия музыкой, выступали за нравственную цензуру в пении и инструментальном исполнении на духовых инструментах, например, считалось, что флейта слишком размягчает души. Здесь напомним, как Аристотель писал о значении музыки в древнегреческой трагедии, когда спектакль с высоконравственным содержанием противостояния долга и чувственных страстей, что выражалось вы-

сокой поэзией, сопровождался музыкой, доводящей души зрителей до смыслового понимания действия, т.е. спектакль как слоёный пирог прославлялся музыкой сквозь текст поэзии. Этот древнегреческий приём навсегда утвердился в искусстве.

А. Ф. Лосев, следуя неоплатонизму, выводит философскую, субстанциальную сущность музыки, поскольку в древней традиции исток музыки трансцендентный, музыка есть более чем искусство. Музыка, согласно А. Ф. Лосеву, связывается с интуитивно постигаемой сущностью бытия как выражение божественного перво-принципа, жизни Числа, божественных чисел-ангелов, иррационально и рационально преобразуемых, находящихся выражение в музыкальных сочинениях.

А. Ф. Лосев, высоко ценя музыку Бетховена и Вагнера, как православный верующий, считал, что даже и такое великое искусство не может сравниться с религиозным знаменным пением, тропарем и кондаком и «никакая симфония не сравнится с красотой и значением колокольного звона» [9, с. 104], что выше музыкального искусства композиторов может быть только молитвенное состояние аскета, «умная молитва».

Сущность мироощущения А. Ф. Лосева по его словам: «это православно понимаемый неоплатонизм» [13, с. 919], духовное истечение энергии, когда из абсолютно неразличимой точки Первоединого происходит поэтапная явленность эйдоса в мифе, символе, личности, имени как осмысленно выраженной предельной явленности сущности. А. Ф. Лосев отдавал предпочтение философской категории «становление», при этом строго следуя феноменолого-диалектическому методу в эстетике. Понятия и термины, такие как «эйдос», «миф», «инобытие», «становление», «ставшее», «энергия», «эманация», «выражение» не просто употреблялись им часто, но и душевно переживались мыслителем.

Религия, мифология, музыка, математика максимально сближены в работах А. Ф. Лосева там, где он исследовал античную и неоплатоническую философию, связанную с музыкальным бытием. Рассмотрим некоторые примеры по статьям мыслителя. Так, в первой книге по античной эстетике, А. Ф. Лосев среди учеников неоплатоника Ямвлиха, написавшего книгу о Пифагоре, указывает на Аристиду Квинтилиана, создавшего трактат «О музыке». В нём А. Ф. Лосев обращает внимание на философско-эстетические установки, хотя и отмечает, что Квинтилиан прежде всего следовал во многом теории и технике музыкального искусства по Аристоксену, ученику Аристотеля. Однако А. Ф. Лосев анализировал трактат с точки зрения субстанциональной сущности музыки, поэтому он в трактате прослеживает идею восхождения от теоре-

тико-исполнительских способов музыки к фундаментальной философской основе.

В трактате Квинтилиана три книги, первая и вторая посвящены музыкальной теории с указанием на особенности мелодии, гармонии, метрики и ритма. Здесь даны определения музыки, что «музыка есть мелос и значение мелоса (т.е. искусство теоретического и практического совершенствования мелоса и инструментальной области)» [7, с. 396], а также «музыка есть познание того, что возникает в звуках и телесных движениях». Другими словами, это развёрнутое аристоксеновское музыкознание той поры. Как пишет А. Ф. Лосев, Квинтилиан схематично разделяет музыку, во-первых, на теоретическую часть, посвященную звуковой «природе» музыки и её сущности, а во-вторых, на практическую исполнительскую часть, включающую учение о музыкальной выразительности для музыкантов и воспитательную роль в согласии с государственной политикой и мотивацией разумной и неразумной частей души. Однако А. Ф. Лосев в трактате выделяет смысловую сущность музыки – музыка как искусство движения, где мерой движения выступает время. «Совершенная энергия музыки», движение, время – вот в чём её смысловая сущность. Здесь уместно напомнить, как Плотин провозгласил, что определение красоты, а значит и совершенно прекрасного, не должно исходить из понятия гармонии, а из метафизики духовной энергии, когда вечная беспоконная душа узрела сущностную красоту и возрадовалась, устремляясь к вечной обители – благу, богу, истине [1, с. 131].

А. Ф. Лосев пишет о том, что у Квинтилиана настоящая гармония – это небесная музыка, наше музыкальное восприятие является воспоминанием о небесной музыке, небесной гармонии как высшем принципе. Это, как мы видим, пифагорейский взгляд, продолженный Платоном. Как пишет далее А. Ф. Лосев, Квинтилиан в стиле Платона представляет связь души с космической гармонией, а затем с музыкальными инструментами. При этом указывается на психологическое воздействие гармонически благородных струнных инструментов, таких как кифара и лира, что соответствует эфиру. Духовые, в том числе флейта, действуют раздражающе, что подобно действию ветров. Приводится миф о победе Аполлона, играющего на кифаре, над флейтистом Марсием. Квинтилиан детально описывает связь космоса и различных музыкальных инструментов, подчёркивая, каким способом музыкой следует уравнивать душу, когда «эмоции должны быть подчинены вечному, благоустроенному, подвижному» космическому идеалу [7, с. 399]. А. Ф. Лосев отмечает, что несмотря на перегруженность трактата математически-гармоническими соот-

ветствиями, философское значение трактата велико, так как убедительно представлены человеческие ощущения от действия музыкального искусства, в котором виделось сочетание космического энергетического движения с субъективно-личностным состоянием, и что «вся космическая гармония понимается здесь конкретно музыкально» [7, с. 399].

В третьей книге, как уточняет А. Ф. Лосев, Квинтилиан развивает учение о природной сущности музыки, которая заключается в числовой структуре звуковых соотношений, создающих либо благоприятное, консонирующее звучание, либо резкое неприятное, диссонансирующее. Важным является психологическая и физическая сущность консонанса, благодатная для человека. Звуковая материя музыки в движении сравнивается с движением всех вещей и всего космоса, и что это движение воспроизводит музыкальное искусство. Рассуждения о «музыкальном» движении как таковом приводят Квинтилиана в конце третьей книги к описанию картины музыкальной гармонии всего космоса с разделением на планетные круги и человеческие души. Таким образом, утверждается мысль о едином целостном существовании космоса-человеческих душ-музыки, что позволяет нам сказать категорией «музыкальное».

А. Ф. Лосев делает вывод, что Квинтилиан противопоставляет музыку всем другим искусствам, потому что она не показывает и не говорит ни о чём конкретном, а являет собой чистый непрерывный процесс жизни, имея в своей природе структуру числа. Музыка отождествляется с гармонией космических сфер, каждая планета имеет свой тон, все планеты вместе составляют свою музыку и выражают гармонию сфер. Для А. Ф. Лосева было поразительным восторженное отношение Квинтилиана к этой глубокой связи космоса с психологией человека и музыкальным искусством, что, с одной стороны, вызвало у А. Ф. Лосева сравнение с немецким романтизмом [7, с. 391], и с другой стороны, он пришёл к утверждению, что Квинтилиан до конца додумал античную теорию музыки.

От себя дополним, что древнегреческое философское представление о музыке как гармонии сфер вошло с учением Пифагора, для которого божественное восприятие мира заключено в божественном Числе, пронизывающем весь космос и нашу жизнь: «всё есть число». Пифагор и его школа усматривали родство между музыкой, философией, математикой соответственно космологическому восприятию мира. А. Ф. Лосев, не был сторонником космологии, он с феноменолого-диалектической точки зрения рассматривал красоту круга у неоплатоника Прокла и отметил, что Прокл исходил из принципа непрерывности, и у Про-

кла «круг есть непрерывность, данная как единораздельная цельность», как вечно вращающееся само в себе [8, с. 192].

Сущность пифагорейской «гармонии сфер» оказалась устойчивой до наших дней и заключается в том, что космос является гармонически устроенным и музыкально-звучащим телом. Музыкальная гармония свойственна движению неба, «небо «звучит» как гармоничный аккорд» [17, с. 169]. Музыка представлялась воплощением ритма вселенной и космической гармонии, связывая арифметику, геометрию, астрономию, музыку. Расстояние между восемью небесными сферами соответствуют математически музыкальным интервалам на инструменте, или извлекаемым пением. Однако звуки возникают только потому, что есть высший божественный принцип гармонии, священное число – «четверица» как умопостигаемый бог, от которого происходят четыре времени года, четырёхгранная пирамида, символические числа ($1+2+3+4=10$), музыкальные консонансы, символы нравственных добродетелей [17, с. 168]. Это значит, что Пифагор идеалистически подходил к музыкальной гармонии сфер, а физическое движение вторично по отношению к божественному принципу [6].

Ранний христианский философ из Рима Боэций в период неоплатонизма написал трактат «О музыкальном установлении», опираясь на учение Пифагора и Птолемея, ставя в центр математическое основание музыки и видя в музыкальной гармонии гармонию мироздания. Боэций выделил три вида музыки: 1) *musica mundana* – «мировая музыка» – принцип гармонии и порядка космоса (незвучащий), вызывающий движения небесных тел и стихий; 2) *musica humana* – «человеческая музыка» – душевных и телесных движений, гармония разумной и неразумной частей души; 3) *musica instrumentalis* – «инструментальная музыка», т.е. музыкальное искусство [5, с. 146].

Проходит много веков от ранней античности и неоплатонизма, прежде чем в Новое время И. Кеплер подтвердит, что музыка уже есть в движении музыкально звучащих планет, открыв формулу движения планет вокруг Солнца и связав это с музыкой. «Музыкальное» движение планет имеет точную математическую связь между расстоянием от солнца и временем движения, скорости. В трактате «Гармония мира» он доказал связь мировой гармонии с музыкальной теорией, человек неслучайно следует выбору звуков в музыке, поскольку действует связь космоса-музыки-математики [2]. Здесь Кеплер следует пифагорейской, платоно-аристотелевской, неоплатонической философии музыки, что близко А. Ф. Лосеву.

Рассматривая типы музыки как область *mousicé* неоплатоника Прокла, А. Ф. Лосев отмечает, что гар-

мония и ритм прежде всего связываются с музыкой, и относятся к иррациональной стороне искусства, и что политик должен в этом разбираться, и вообще «всякий политик, если он рассуждает об искусстве, должен иметь художественное образование; и всякий деятель искусства, если он выстраивает те или иные политические требования, должен быть одновременно и профессиональным политиком» [8, с. 307]. А. Ф. Лосев пишет, что если в античности слово *mousicé* относится чаще и к поэзии и собственно к музыке, однако Прокл представляет несколько по-своему типы «музыки». На самой высокой ступени платоновская философия, рассуждающая о музах, называет высочайшим из искусств искусство морального философа, приводя слова Платона: «такой человек кажется мне в самом деле музыкантом, проявляющим прекраснейшую мелодию не на лире, не на музыкальных инструментах, а в жизни, в которой у него слова созвучны с делами» [8, с. 308]. Такая философская душа выражает космическую связь с богом-отцом Зевсом. На второй ступени «музыки» Прокл ставит воспевание героев как полубогов, имея в виду посвященные им песни, создаваемые под вдохновением муз, где более важна не техника музыкального искусства, а именно сила интуиции, безумства (*mania*), исходящая от муз, побуждает к творению. Третью ступень «музыки» занимает такой человек, у которого душа предана музам и любви, мудрости и красоты, т.е. музыкальная душа – это гармоничная прекрасная душа, по Платону высшая категория душ. Наконец, четвертая ступень «музыки» указывает на политическое значение музыки (как бы мы сейчас в контексте современного мира сказали: музыка как вид искусства есть мягкая политическая сила). А. Ф. Лосев пишет согласно Проклу так: «В правильном государстве они [гармония и ритм] возводят к «истине» и от чувственного мира возводят в мир умопостигаемый» [8, с. 308].

Прокл ставит музыку настолько высоко, что поэзию считает разновидностью общей музыки, *mousicé*, где умопостигаемая истина лежит в гармонии и ритме, понимаемых как в метафизическом смысле, так и в звуковой организации мелоса, слова. Поэты в *mousicé*, в музыкальной гармонии и ритме, должны опираться на две основы – «прекрасное» интеллектуальное и «простое» «божественное». Как мы понимаем, рациональное, качественно сотворённое и иррациональное, непосредственное, интуитивное. При этом душа должна быть готова к «сущему» до поэзии, которая воплотится в материю. Таким образом, рассуждая о типах музыки, *mousicé*, Прокл подводит к мысли об идеальном художественном творчестве, и вопрос уходит в проблемное поле мифологии, творческой фантазии. «Именно в мифе, по Проклу, раскрывается

вселенский разум», – пишет А. Ф. Лосев [7, с. 320].

В определении мифа в неоплатонизме А. Ф. Лосев указывает, что Ямвлих не был занят этой философской категорией, миф трактуется как символ для возбуждения психического мышления, погружив во внутренний взор. Плутарх определил миф как «единственный светлый луч божественного бытия» [7, с. 226]. О терминах «миф», «символ», как исследовал А. Ф. Лосев, в античности не задумывались, поскольку было обычным, что миф разъяснял вещи через символы и символические истории. Эти термины стали фиксироваться в философии неоплатонизма, когда стала уходить вера в мифологию и мифологический символизм. Из текстов неоплатоников А. Ф. Лосев вывел то, что, во-первых, миф трактуется как символ, и, во-вторых, символ выступает натурфилософским, физическим указанием на вселенную, на «всё», здесь и бог, и демон, и герой, и душа, и др. А. Ф. Лосев ссылается на позднего неоплатоника Саллюстия (4 век), который оказался близок ему в определении мифа как субстанционально осуществлённой теургии. Саллюстий констатирует в мифе слияние явного и неявного в одно целое. Здесь он следует Плутарху и Ямвлиху. А. Ф. Лосев полагает, что у Саллюстия миф выступает неким образом всеединства, так как миф неоплатоник связывает с принципом блага, которое выше всего. Наконец, согласно Саллюстию, «космос можно назвать мифом, поскольку в нём явлены тела и вещи, а скрыты души и умы» [7, с. 416]. Под неявленной стороной космоса понимается объективный разумный порядок. Слияние явного и неявного в мифе указывает, по словам А. Ф. Лосева, на космическую цельность материального воплощения всеобщей жизни, пронизанной тоже всеобщими смысловыми структурами. Следовательно, продолжает рассуждать Лосев, миф, повествующий о богах и субстанциях, можно трактовать как субстанцию. Миф есть та или иная субстанциональность, которая по Саллюстию указывает на мифологическую эманацию первоединого, на мифологический космологизм, на учение провиденциализма и фатализма. Таким образом, сформулированное Саллюстием субстанциональное понятие мифа явилось итогом античной литературы и философии, пронизанной аллегориями, символами, мифами. И по Проклу, миф есть «субстанциональное слияние идеи и материи» [7, с. 419].

Поскольку А. Ф. Лосев отмечал связь неоплатонизма с немецким романтизмом, то уместно привести мысль о «мифологизации» музыки увлеченного романтическим идеализмом Ф. В. Шеллинга, который сообразно своей концепции философии искусства, выделяет музыку как аллегоризирующее искусство, связанное с символом и мифом, потому как музыка ближе всех искусств к бесконечному, она есть первое

единство, представляющее божественный Универсум [16, с. 244]. В музыке происходит облечение бесконечного в конечное, идеального в реальное, акт, процесс, становление (с. 401). Если истинная мифология наделена чертами универсальности и бесконечности, то в творчестве «всякий великий поэт призван превратить в нечто целое открывающуюся ему часть мира и из его материала создать собственную мифологию; мир этот находится в становлении...» [16, с. 166].

С точки зрения философско-антропологического подхода и феноменолого-диалектического метода А. Ф. Лосева приведём, к примеру, понимаемый им смысл Пятой симфонии Бетховена, в которой ему слышался «миф» о Хаосмосе с ударами Судьбы Мировой Воли [4, с. 508]. Симфония, действительно, имеет отличие заглавного громогласного ритмического мотива, потом многократно повторяемого, известного по высказыванию Бетховена: «так судьба стучится в дверь», и реципиенты озадачены смыслом судьбоносности, нередко перенося её в субъективное восприятие. В «Очерке о музыке» А. Ф. Лосев высказывает мысль о «мифологизации» музыкального произведения, когда один смысловой миф закладывается автором, а другой миф вычитывается реципиентом при условии прекрасного выражения, под которым он понимал субстанционально выразительное начало. В 9-й главе «Очерков» показан переход от феноменологической диалектики музыки к психологии восприятия, когда музыка как чистое бытие и абсолютное качество эстетически воздействует, возбуждая переживание. Восприняв чистое бытие музыки, «до-логическую и до-познавательную сущность музыкального Бытия и Восторга, ощутивши себя сами – как Его и Его – как наше собственное нутро, мы имеем право рассмотреть Бытие не как бытийствующее само по себе и в себе, но – как явление смертным очам, точнее как организм произведения» [13, с. 640]. А. Ф. Лосев пишет: «Чистое музыкальное бытие» пронизано бесконечными энергиями и силами, оно выразительное и оно выражает внутреннее *самопротивоборство субъект-объектного единства*. При этом «Неповторима и неуничтожима субъектная индивидуальность». Под субъектом А. Ф. Лосев понимает «самое само» глубинное. Бог порождает музыку и познает себя через неё. Музыкальная истина не нуждается ни в чем, она заключается в Едином, Боге. Это не психологическое растворение музыкального объекта в недрах процесса личных переживаний, это именно одновременное присутствие субъектного бытия и объектного бытия со всей своей предметностью. Процесс самопротивоборства условно обозначен такой формулой: воля – становящаяся предметность, которая осуществляется в актах пере-

живания и волевого самопорождения. Таким образом, музыка представлена как жизнь, жизнефункционалирующая субстанция: «Всё музыкальное бытие есть сплошная субстанция неизменно текучая и выражающая саму себя, начисто в каждый мельчайший промежуток времени. Любой момент есть выразитель субстанции, и центр ее повсюду, и «музыка есть идеальное единство, живое и сращенное» [12, с. 689]. Вместе с тем музыкальное бытие интимно переживается человеком. А. Ф. Лосев указывает на различие личного субъективно-психологического переживания при восприятии музыки, связанного с нашими жизненными условиями и присутствием подлинной музыкальной субстанциальности.

Диалектика А. Ф. Лосева приводит его к пониманию музыки как божественного числа, где «число как первопринцип есть вечно творящая сила расчленения и сочленения. Врываясь в бытие, эта сила разрывает его на отдельные, изолированные моменты и заново объединяет их в новую, уже не возможную только, но вполне действительную координированную раздельность. Перво-принцип есть эта мощь числовых становлений» [14, с. 139]. Музыка есть и число, и становление числа, А. Ф. Лосев тем самым онтологически связывает статус музыки с первопринципом Единого, Бога и его Творением. Соответственно исток музыки видится в абсолютно идеальном бытии.

В труде А. Ф. Лосева «Диалектические основы математики» в начале выведена антитеза числа как отвлеченного понятия и числа как явленных предметов духовной культуры. По А. Ф. Лосеву, «Число относится к чисто смысловой сфере» [14, с. 44], число есть смысл, а смысл имеет основное «качество *значимости*. *Смысл не есть, но значит*» [14, с. 45]. Смысл нигде пространственно не находится и допускает субъект-объектное безразличие, он существует не как вещь, а как значимость вещи, которая сразу и везде, и нигде. Смысл, как и число, разнообразен по способу своего бытия и функционирования. Вся сфера чистого смысла, от отвлеченного понятия до художественной формы, есть сфера выразительного смысла, т. е. в способе пребывания смысла в инобытии, смысл, таким образом, двухмерен: отвлеченный смысл и его инобытийное перекрытие, область смысловых, выразительных форм. В области смысла А. Ф. Лосев различает отвлечённые и выразительные формы. При этом «число есть прежде всего отвлечённая сфера чистого смысла, а не выразительная» [14, с. 50]. А. Ф. Лосев делает вывод: «Числу предшествует только до-логическое, сверх-смысловое, сверх-бытийственное, абсолютная неразличимость» [14, с. 106]. Следовательно, музыка как число имеет до-логическое, сверх-смысловое – Единое.

«Число как перво-принцип есть вечно творящая сила расчленения и сочленения», она производит неустанное становление, которое совершается во времени. [14, с. 139]. И поскольку «музыка в своём специфическом музыкальном виде есть искусство именно *чистого* времени», то музыка как процессуальность ни в какой другой изобразительности не нуждается, «музыка живописует именно жизнь чисел..., повествуя судьбу и жизненное становление бытия и мира» [14, с. 142]. В этом всеобъемлющая сила музыки, вызывающей и страдание, и радость. Музыкальное восприятие видит обнажённую, не выявленную сущность мира во всей её нетронутой чистоте и несказанности. Так, А. Ф. Лосев, развивая идеи античности и неоплатонизма, исследует связь музыки и математики и указывает: «Музыка есть неподвижно-идеальное бытие, законченно-оформленное, ясное и простое, как аксиома или теорема математики» [10, с. 270]. С другой стороны, он указал на специфическое алогическое музыкально-идеальное, поскольку в музыке действует эйдетическое целое число. А. Ф. Лосев напоминает, что целое число в античности есть и функция и отношение, не только величина. Число и величина, и телесная, чувственная осязаемость [11, с. 41]. Математика как учение о становящемся числе, учение о функциях, близка музыке. Предметность музыки и математики с точки зрения логики можно свести к понятию «число», но *расхождение* музыки и математики происходит из-за способов конструирования этой предметности в сознании. Музыкальное конструирование числа во времени выражается посредством специфического музыкального языка во всём своём богатстве мелодии, ритма, гармонии, других компонентов, во всем богатстве структуры «чистого эйдоса», «незримо управляющего» музыкой [10, с. 282].

Заключение

Резюмируя, подчеркнём, что философия музыки А. Ф. Лосева в контексте субстанциального музыкального бытия, развивая идеи неоплатонизма, максимально сближает религию, музыку, математику, эстетику. Через движение музыкальной мысли в любом музыкальном произведении мы становимся причастными к великому божественному Творению. При этом интуитивно ощущаем, чувствуем и разумом признаём, ссылаясь на А. Ф. Лосева, музыку как субстанцию, текучую и выражающую саму себя в неразличимом тождестве явления и сущности, конечного и бесконечного, субстанциального. Домысленное А. Ф. Лосевым и утверждённое им субстанциальное музыкальное бытие привело автора к рассмотрению философско-эстетического и антропо-аксиологического подхода в проблемном поле фи-

лософии музыки. Религиозные взгляды А. Ф. Лосева, убежденного в связи логического и алогического, рационального и иррационального в музыке, выводят на широкое понимание понятия «музыкальное» как таковое, что обогащает эстетическое знание за пределами теории искусства.

Литература

1. Гилберт К. Э., Кун Г. История эстетики. / Под общей ред. В. П. Сальникова; Пер. с англ. В. В. Кузнецова и И. С. Тихомировой. – СПб.: Алетей, 2000. – С. 245–246.
2. Кеплер И. Гармония мира. Книга IV // Музыкальная эстетика западной Европы XVII–XVIII веков: сборник переводов / Сост. текстов и общая вст. статья В. П. Шестакова. – М.: Музыка, 1971. – С. 174–186.
3. Коломиец Г. Г. Некоторые вопросы философской мысли о музыке в Древнем Китае: статус и назначение в антропо-социальном аспекте // Вестник Оренбургского государственного университета, 2009 – № 7 (101). – С. 181–187.
4. Коломиец Г. Г. Ценность музыки: философский аспект. – Оренбург: ОГУ, 2006. – 579 с.; Москва: ИНФРА-М, 2019. – 578 с.
5. Коломиец Г. Г. Философия музыки в картине мира: от Античности к Новому времени // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Философия, 2021. –Т. 25, № 1. – С. 139–155.
6. Коломиец Г. Г., Расуль-Кареев Д. Философские беседы о музыке простым языком: пифагорейское число и мировая музыкальная гармония // Концепт: философия, религия, культура. – 2023; 7 (2). С. 154–167.
7. Лосев А. Ф. История античной эстетики: В 8 т. – М.: АСТ, 2000. – Последние века. Кн. 1. – 2000. – 511 с.
8. Лосев А. Ф. История античной эстетики: В 8 т. – М.: АСТ, 2000. – Последние века. Кн. 2. – 2000. – 543 с.
9. Лосев А. Ф. Миф – Число – Сущность: сборник. – М.: Мысль, 1994. – С. 8–216.
10. Лосев А. Ф. Музыка, как предмет логики // Из ранних произведений. – М.: Правда, 1990. – С. 195–392.
11. Лосев А. Ф. Очерки античного символизма и мифологии / Сост. А. А. Тахо-Годи; Общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Махонькова. – М.: Мысль, 1993. – С. 5–100.
12. Лосев А. Ф. Самое само: Сочинения. – М.: ЭКСМО-Пресс, 1999. – С. 423–790.
13. Лосев А. Ф. Очерк о музыке // Форма – Стиль – Выражение / Сост. А. А. Тахо-Годи; Общ. ред. А. А. Тахо-Годи и И. И. Махонькова. – М.: Мысль, 1995. – С. 637–666.
14. Лосев А. Ф. Диалектические основы математики // Хаос и структура / Сост. и общ. ред. А. А. Тахо-Годи и В. П. Троицкого. – М.: Мысль, 1997. – С. 5–608.
15. Тахо-Годи А. А. А. Ф. Лосев. Целостность жизни и творчества / Философия. Мифология. Культура / А. Ф. Лосев; [авт. вступ. ст. А. А. Тахо-Годи]. – М.: Политиздат, 1991. – С. 5–20.
16. Шеллинг Ф. В. Философия искусства / Под общ. ред. М. Ф. Овсянникова; пер. с нем. П. С. Попова. – М.: Мысль, 1999. – 608 с.
17. Ямвлих. О Пифагоровой жизни / Вступ. ст. и пер. с древнегреч. И. Ю. Мельниковой. М. Алетей, 2002. – 192 с.

References

1. Gilbert K. E., Kuhn G. (2000) *Istoriya estetiki* [History of aesthetics]. St. Petersburg: Aletheia, pp. 245–246. (In Russ., transl. from Eng.)
2. Kepler, I. (1971) [Harmony of the world. Book IV]. *Muzykal'naya estetika zapadnoj Evropy XVII–XVIII vekov* [Musical Aesthetics of Western Europe XVII–XVIII centuries]. Comp. texts and general int. article by V. P. Shestakova. Moscow: Music, pp. 174–186. (In Russ.)
3. Kolomiets, G. G. (2009) [Some questions of philosophical thought about the music of ancient China: status and purpose in the anthropo-social aspect]. *Vestnik Orenburgskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of Orenburg State University]. Vol. 7, pp. 181–187. (In Russ.)
4. Kolomiets, G. G. (2006) [The Value of music: a philosophical aspect]. Orenburg: GO OSU, 579 p.; Moscow: INFRA-M, 2019. 578 p. (In Russ.)
5. Kolomiets, G. G. (2021) [Philosophy of music in the picture of the world: from Antiquity to Modern Times]. *Vestnik Rossiiskogo universiteta druzhby narodov. Seriya: Filosofiya* [Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Philosophy]. Vol. 25. No. 1, pp. 139–155. (In Russ.)
6. Kolomiets, G. G., Rasul-Kareev, D. (2023) [Philosophical conversations about music in simple language: Pythagorean number and world musical harmony]. *Kontsept: filosofiya, religiya, kul'tura* [Concept: philosophy, religion, culture]. Vol. 7 (2), pp. 154–167. (In Russ.)

7. Losev, A. F. (2000) *Istoriya antichnoy estetiki. Posledniye veka* [The history of ancient aesthetics. The last centuries]. Book 1. Kharkiv:Folio; M.: LLC “”Publishing House, 512 p.
8. Losev, A. F. (2000) *Istoriya antichnoy estetiki. Posledniye veka* [The history of ancient aesthetics. The last centuries]. Book 2. Kharkiv:Folio; M.: LLC “”Publishing House, 544 p.
9. Losev, A. F. (1994) *Mif – Chislo – Sushchnost’* [Myth – Number – Essence]. M., pp. 8–216.
10. Losev, A. F. (1990) *Muzyka, kak predmet logiki. Iz rannikh proizvedeniy* [Music as a subject of logic. From early works]. Moscow: “Truth”, pp. 195–392. (In Russ.).
11. Losev, A. F. (1993) *Ocherki antichnogo simbolizma i mifologii* [Essays on ancient symbolism and mythology]. Comp. A. A. Tahoe-Godi; General ed. A. A. Tahoe-Godi and I. I. Makhonkova. Moscow: Thought, pp. 5–100. (In Russ.).
12. Losev, A. F. (1999) *Samoye samo: Sochineniya* [The very: Compositions]. Moscow: Publishing House EKSMO-Press, pp. 423–790. (In Russ.).
13. Losev, A. F. (1995) *Ocherk o muzyke. Forma – Stil’ – Vyrazheniye* [An essay on music. Form – Style – Expression]. Comp. A. A. Tahoe-Godi; General ed. A. A. Tahoe-Godi and I. I. Makhankova. Moscow: Thought, pp.637–666. (In Russ.).
14. Losev, A. F. (1997) *Dialekticheskiye osnovy matematiki. Khaos i struktura* [Dialectical foundations of mathematics. Chaos and structure]. Comp. and the general editorship of A. A. Tahoe-Godi and V. P. Troitsky. Moscow: Thought, pp. 5–608. (In Russ.).
15. Tahoe-Godi, A. A. (1999) *Tselostnost’ zhizni i tvorchestva. Filosofiya. Mifologiya. Kul’tura* [The integrity of life and creativity. Philosophy. Mythology. Culture]. M.: Publishing House EKSMO-Press, pp. 5–28. (In Russ.).
16. Schelling, F. V. (1999) *Filosofiya iskusstva* [Philosophy of art]. Under the total.edit. by M. F. Ovsyannikov: Moscow: Publishing house “Thought”, 608 p. (In Russ., transl. from Germ.).
17. Iamblichus (2002) *O Pifagorovoy zhizni* [On the Pythagorean life of Iamblichus. About Pythagorean life]. Moscow: Aletya, 192 p. (In Russ., transl. from Ancient Greek).

Информация об авторе:

Галина Григорьевна Коломиец, доктор философских наук, профессор, профессор кафедры философии, культурологии и социологии, Оренбургский государственный университет, Оренбург, Россия
e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

Статья поступила в редакцию: 11.07.2023; принята в печать: 11.09.2023.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

Information about the author:

Galina Grigorievna Kolomiets, Doctor of Philosophical Sciences, Professor, Professor of the Department of Philosophy, Cultural Studies and Sociology, Orenburg State University, Orenburg, Russia
e-mail: kolomietsgg@yandex.ru

The paper was submitted: 11.07.2023.

Accepted for publication: 11.09.2023.

The author has read and approved the final manuscript.